

РЕЛИГИОЗНО- НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. М. ПРИШВИНА
«РАССКАЗЫ О ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЯХ»
И «КЛАДОВАЯ СОЛНЦА»

Диакон Сергей Красников

магистр теологии
ассистент кафедры филологии Московской духовной
академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
krasnikon@gmail.com

Для цитирования: Красников С., диак. Религиозно-нравственное воспитание детей в произведениях М. М. Пришвина «Рассказы о ленинградских детях» и «Кладовая солнца» // Богословский вестник. 2025. № 4 (59). С. 335–351. DOI: 10.31802/GB.2025.59.4.018

Аннотация

УДК 929 (2-14)

Статья посвящена анализу авторской концепции религиозно-нравственного воспитания в творчестве М. М. Пришвина. В работе выявляются внешние и внутренние факторы, определившие развитие данной темы в произведениях писателя. Методологическую базу исследования составляет комплексный подход, сочетающий в себе биографический, герменевтический, культурно-исторический и богословский методы анализа. На примере конкретных текстов автор доказывает, что фундаментом воспитательной системы М. М. Пришвина являются евангельские принципы. Особое внимание уделяется механизмам включения евангельских аллюзий и интерпретации библейских сюжетов в художественной ткани произведений. В результате исследования делается вывод о глубокой укоренённости педагогических взглядов писателя в христианской традиции.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, Православие, воспитание детей, Евангелие, блудный сын, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 30.4.2025; одобрена после рецензирования 1.6.2025

The Religious and Moral Upbringing of Children in Mikhail Prishvin's «Stories of Leningrad Children» and «The Sun's Storehouse»

Deacon Sergey Krasnikov

MA in Theology

assistant at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy-Trinity St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russia

krasnikon@gmail.com

For citation: Krasnikov, Sergey, deacon. "The Religious and Moral Upbringing of Children in Mikhail Prishvin's 'Stories of Leningrad Children' and 'The Sun's Storehouse'". *Theological Herald*, no. 4 (59), 2025, pp. 335–351 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2025.59.4.018

Abstract. The article analyzes M. Prishvin's original concept of religious and moral education. The study identifies external and internal factors that shaped the development of this theme in the writer's works. The methodological framework is based on a comprehensive approach, combining biographical, hermeneutical, cultural-historical, and theological methods of analysis. Examining specific texts, the author demonstrates that Evangelical principles serve as the foundation of Prishvin's educational system. Particular attention is paid to the mechanisms of incorporating Evangelical allusions and the interpolation of Biblical motifs into the artistic fabric of his works. The study concludes that the writer's pedagogical views are deeply rooted in the Christian tradition.

Keywords: Mikhail Prishvin, Orthodoxy, child rearing, the Gospel, the Prodigal Son, the Great Patriotic War.

The article was submitted on 4/30/2025; approved after reviewing on 6/1/2025

Введение

В отечественном литературоведении советского периода (1920–1980 гг.) творческое наследие М. М. Пришвина интерпретировалось преимущественно в рамках естественно-научного или социально-эстетического дискурсов, что приводило к редукции религиозных смыслов его произведений, а за М. М. Пришвиным (1873–1954) закрепилась репутация автора назидательных и познавательных очерков о природе. Действительно, в отличие от дневников и публицистики писателя, в которых мы находим подробный анализ пороков и добродетелей общества, большинство рассказов М. М. Пришвина, как правило, не имеют настолько широкого и ярко выраженного нравственного акцента. Лишь немногие произведения автор всецело посвящает нравственной проблематике. В них писатель сосредотачивает внимание преимущественно на темах воспитания и сострадания, адресуя их своим юным читателям в военное и послевоенное время. Так, с началом Великой Отечественной войны М. М. Пришвин ставит своей целью именно воспитание подрастающего поколения. Данную проблематику в большей степени мы находим в таких произведениях, как «Рассказы о ленинградских детях» и «Кладовая солнца» (1943 г.).

«Рассказы о ленинградских детях»

К «Рассказам о ленинградских детях» (1943 г.) М. М. Пришвин приступил ещё в 1941 г., находясь в эвакуации в Усолье и проживая вблизи Переславль-Залесского детдома. Узнав, что в нём разместили измученных детей, эвакуированных из оккупированного Ленинграда, возрастом от трёх до восьми лет, автор решил написать про них самих и их жизнь в детдоме цикл рассказов. Одной из главных целей произведения было горячее желание М. М. Пришвина найти детям новые семьи. И. В. Попова отмечает:

«Писатель обращается к детской теме ещё и с воспитательной целью, причём педагогический пафос его обращён, прежде всего, к сознанию взрослых людей»¹.

Тематику миниатюр автор выбирал не просто как хронику детских судеб, а как «любственное отношение к детям и как пример для молодежи»².

- 1 Попова И.В. Нравственный идеал милосердия в «Ленинградских рассказах» М. М. Пришвина // Наука и образование. 2020. Т. 3. № 2. URL: <http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1941/1939>
- 2 См.: Пришвин М.М. Дневники. 1942–1943. Москва, 2012. С. 663–664.

По замечанию писателя, данный цикл из двенадцати коротких рассказов

«...имеет внешний вид чрезвычайно простых очерковых миниатюр, лишь тематически связанных между собою»³.

Однако в данных произведениях, несмотря на их кажущуюся простоту, встречаются отсылки к текстам Священного Писания. Вероятнее всего, М. М. Пришвин переосмыслил свой предвзятый взгляд на православие и христианское милосердие на фоне ужасов войны. В.Д. Лирорко вспоминает, что, находясь в эвакуации, писатель познакомился с творчеством Э. М. Хемингуэя. Оно произвело на него очень сильное впечатление, М.М. Пришвина пленила «тема человеческих страданий и материнского подвига»⁴. Находясь под впечатлением, писатель сразу же приступил к работе над «Рассказами о ленинградских детях»⁵.

Характер произведений основан исключительно на увиденном и услышанном в детдоме в течение года. Автор сознательно избегает художественного вымысла, сосредотачивая внимание читателей на правдивом повествовании о детях и формировании в них нравственных качеств. По этой причине каждая миниатюра представляет собой отдельный яркий отрывок из жизни ребёнка, отражающий ту или иную сторону в их воспитании.

Первое, что писатель пытается привить детям, — это чувство сострадания и милосердия. В миниатюре «Дети» он рассказывает, как никогда не видевшие дикой природы ребята впервые поймали и задавили лягушку. С особой чуткостью писатель объясняет, что природа — это чудо, в котором могут быть самые настоящие сказки:

«...все дети были растроганы, все жалели лягушку-царевну и обещались никогда лягушек не душить. Пусть себе прыгают!»⁶

В миниатюре «Папа-доктор» примером операции над больным блокадным ребенком автор воспитывает в детях необходимое мужество, дарующее жизнь, а также благодарность к врачам, несмотря на причиняемую ими боль⁷. В качестве детской добродетели писатель выделяет верность обещанию и данному слову⁸. Однако эталоном поведения

3 См.: Пришвин М.М. Дневники. 1942–1943. С. 663.

4 См.: Пришвина В.Д. Война // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников. Санкт-Петербург, 2005. С. 196, 200, 223.

5 Там же. С. 200–201.

6 См.: Пришвин М.М. Дети // Собрание сочинений. Т. 5. Москва, 1983. С. 129.

7 См.: Пришвин М.М. Папа-доктор // Собрание сочинений. Т. 5. Москва, 1983. С. 131.

8 Там же. С. 132.

для детей и взрослых М. М. Пришвин ставит выражение: «будьте как дети»⁹, взятое из Евангелия от Матфея:

«...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3).

В контексте ужасов Великой Отечественной войны, искажающей и ожесточающей человеческую природу, данное выражение становится не только нравственным эталоном, но и залогом отсутствия войн. В качестве примера повествователь показывает доктора, который в свободное от работы время дарит детям радость, несмотря на все их проступки и личную обиду:

«После занятий доктор <...> своим перочинным ножом сделал змея для детей, запустил его вместе с ними <...>. И видно было, что сам доктор радовался, как ребенок. <...> Извольте понимать эту мудрость: “будьте как дети”»¹⁰, — заключает автор.

По замечанию Н. Н. Кульчицкой, «эти слова из Евангелия вполне могут быть эпиграфом ко всему циклу рассказов о ленинградских детях»¹¹.

Примечательно, что для самого писателя это выражение не было пустым звуком. Призыв «быть как дети» стал его своеобразным девизом, с которым он старался согласовывать собственную жизнь и призывал к этому других¹². По воспоминанию его современников Е. Н. Волынцев и В. Г. Лидина, М. М. Пришвин действительно всегда производил впечатление «большого ребенка»¹³ с «милой непосредственной детскостью»¹⁴.

Последующие миниатюры «Рассказов» по проблематике нацелены исключительно на взрослого читателя. В них писатель обращает внимание на среду воспитания ребенка — на семью. Так, в миниатюре «Мыши» М. М. Пришвин рассуждает о типах матерей: «мышьях», оставляющих своих детей на произвол судьбы, и тех женщинах, которые являют подвиг самоотверженной работы даже с чужим ребенком.

9 Пришвин М. М. Папа-доктор. С. 132.

10 Там же.

11 См.: Кульчицкая Н. Н. Резерв будущего в растущем человеке («Рассказы о ленинградских детях» М. М. Пришвина) // Образ будущего: сборник тезисов Второй международной научно-практической конференции. Орел, 2022. С. 236.

12 См.: Серова О. В. Всегда со мною // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников. Санкт-Петербург, 2005. С. 257.

13 См.: Волынцев Е. Н. Молодой земский агроном // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников. Санкт-Петербург, 2005. С. 33.

14 См.: Лидин В. Г. М. Пришвин // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников. Санкт-Петербург, 2005. С. 127.

Повествователь с первых строк так формирует образ недостойного материнства:

«Была в Ленинграде одна малодушная мать. Она оставила на улице свою девочку <...>. Такая была мать, что даже забыла упомянуть в записке имя <...> когда почти через год девочку выходили <...> старая ведьма явилась в колонию со своими родовыми материнскими правами. <...> В мышинового цвета платке, с хитрыми, пронзительными, кругло муравьиными глазками...»¹⁵.

Сравнение с ведьмой и анималистическое описание женщины автор дополняет характерной чертой — шепелявостью, роднящей её со змеями, в чём также прочитывается указание на некую infernalную природу. Место её работы — кладовка под землёй — также наводит на мысль о холодности материнских чувств и отсутствии подлинной любви. Подтверждением этого становится нравственная деградация девочки, своеобразное «грехопадение», показанное автором следующим образом:

«...Зиночка чаще и чаще стала скрываться куда-то вниз, в подвальную кладовую <...> косилась, выглядывала из щёлоч, постепенно делалась замкнутой, угрюмой и грубой»¹⁶.

Такая перемена возникла вследствие общения с матерью, дающей ей краденые лакомства. Так родная мать фактически становится змеем-искусителем, похищающим доверчивую детскую душу и совращающим её, как Еву.

Противоположным образом поступает воспитательница трёхсот детей, «прекрасная мама», подобно Богу, равно любящая всех и желающая им счастья. Замечая перемену в ребенке и поняв причину, она

«...открыла дверь и вошла, словно свет ворвался в темный бор. — Ты ли это, Зиночка? — сказала она. — Но только не бойся, ничего не пугайся, как мыши. Ты больше не будешь ходить сюда? — Не буду, — прошептала Зиночка. И по-прежнему открыла большие глаза. — Иди за мной. И Зиночка пошла за новой мамой...»¹⁷.

В указании на бор, свет, предшествующую скрытность ребенка и вопрос воспитательницы прочитывается аллюзия на Книгу Бытия (см. Быт. 3, 9), когда Бог взывал к Адаму в раю, вкусившему запретный плод, в надежде его исправления. Однако, в отличие от библейского сюжета,

15 См.: *Пришвин М.М.* Мыши // *Собрание сочинений.* Т. 5. Москва, 1983. С. 133–134.

16 Там же. С. 135–136.

17 Там же. С. 136.

девочка обратилась к свету, в чём отразился евангельский идеал человека, которого придерживался М. М. Пришвин: «*будьте как дети*»¹⁸. Данную миниатюру повествователь завершает рассуждением о свете и тьме:

«...ворвётся солнце, и всё разделится: светолюбивые остаются в лучах, а темные ползут в тень...»¹⁹.

В этом также прочитывается аллюзия на Евангелие:

«...ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге...» (Ин. 3, 20–21).

Тему усыновления автор поднимает в миниатюре «Козочка», повествующей о девочке, потерявшей на войне родителей. Здесь М. М. Пришвин рассуждает о роли семьи для ребёнка. Так, семья становится неким подобием рая, неразрывно связанным с чувством радости и любви²⁰. По этой причине писатель призывает восстанавливать разбитые войной семьи и усыновлять детей, чем надеется оградить их от ада войны.

«Кладовая солнца»

Одним из наиболее показательных произведений, где в качестве центральной темы выступает именно привитие детям высоконравственного образа жизни, является «Кладовая солнца» (1945 г.).

Сам автор высоко ценил данную повесть, выделяя её из всего своего художественного наследия в категорию «настоящих, значимых вещей»²¹. Примечательно, что за восемь дней до своей смерти в беседе с Н. В. Реформаторской он заявил, что всю свою жизнь только и писал, что о «торфе», каким он показан в «Кладовой солнца»²². Из этого литературовед заключает:

«...так, открывая тайну Блудова болота, в котором чуть не погибли дети, Пришвин <...> “открывал в природе прекрасные стороны души человеческой”, утверждал радость жизни, победу добра над злом»²³.

18 Пришвин М.М. Папа-доктор. С. 132.

19 Пришвин М.М. Мыши. С. 137.

20 Пришвин М.М. Козочка // Собрание сочинений. Т. 5. Москва, 1983. С. 138.

21 См.: Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. Москва, 2013. С. 535.

22 См.: Реформаторская Н.В. О Пришвине // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников. Санкт-Петербург, 2005. С. 164.

23 Там же.

Произведение было создано всего за месяц под сильнейшим впечатлением от победы в Великой Отечественной войне и предшествующей Победе Пасхи. В дневнике за 9 мая 1945 г. читаем:

«Все мои неясные мысли <...> поэтические предчувствия, всё, всё это, чем мучится душа, разрешается в двух словах: “Христос Воскрес!”»²⁴

Свой особенный духовный подъём во время работы над повестью М. М. Пришвин характеризует аллюзией на текст Евангелия: «...там, где я работаю — не женятся и замуж не выходят»²⁵, в чём прочитывается явная отсылка к следующим словам:

«...ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы...» (Мф. 22, 30).

Это замечание позволяет понять, в каком состоянии религиозного восторга создавалось произведение.

Несмотря на то, что проблематика повести посвящена теме воспитания, в произведении также есть религиозный подтекст. На него указывает сам М. М. Пришвин в своём письме от 1 октября 1948 г. издателю детских книг К. Ф. Пискунову:

«...в ответ этому страшному времени войны с немцами явилась книга, подобная знаменитой книге страданий “Четьи Минеи”, воспитавшей <...> весь наш прежний народ. Нет большей чести для автора <...> как сопоставлять её в нравственном и художественном значении с великим памятником древней русской литературы»²⁶.

Однако, в отличие от текстов житий, религиозная проблематика в «Кладовой солнца» подаётся более скрыто и ненавязчиво, отражаясь преимущественно в сюжетных особенностях, топонимах и мотивации героев. Отчасти по этой же причине писатель определяет жанр произведения как сказку-быль, а себя позиционирует как «сказителя», рассказывающего о правде, а не о вымысле²⁷.

Сюжет, изложенный в двенадцати главах, повествует о двух сиротах — брате и сестре, которые отправились в лес на поиски клюквы, поссорились там и едва не погибли. Время в повести совпадает с периодом Великой Отечественной войны и заканчивается после Победы, соответствуя 1943–1945 гг., причём основные события произведения, заложенные в сюжете, разворачиваются в течение одного дня.

24 Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. С. 520.

25 Там же. С. 525.

26 Пришвин М.М. Дневники. 1948–1949. Москва, 2014. С. 278–279.

27 См.: Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. С. 663–664.

В качестве пространственной локации автор использует реальные места в районе Переславля-Залесского, с его лесами и болотами, играющими, по замечанию Н. В. Борисовой, «...особую роль в системе нравственных координат...»²⁸. Так, одним из ключевых топонимов в произведении стало именно Блудово болото, неподалеку от которого жил писатель. Его супруга вспоминает:

«...как бы ни был перегружен день, вечером неизменно в любую погоду он снова выходит на свою лесную тропу... Поначалу это была не больше чем необходимая телесная зарядка перед тем, как сесть с пером за стол. Но лишь только он начинает это простое дело, как оно превращается в сложную духовную работу <...> Но как только ноги вынесли его на эту тропу, тотчас начинается наблюдение, происходят открытия»²⁹. «Тропинка в Блудово болото через несколько лет войдет в сказку-быль Пришвина и станет образом пути к собственной душе...»³⁰.

В Переславле М. М. Пришвин также познакомился с реальными прототипами героев повести и их историей, оставив в своём дневнике следующую заметку:

«...брат и сестра пошли в лес за клюквой, их тропа в лесу разделилась, дети заспорили, поссорились, разошлись»³¹.

В системе персонажей ключевое место отводится главным героям повести — Насте и Митраше. Автор представляет их читателю как сирот, дружно живущих вместе. Старшую девочку двенадцати лет называли «золотой курочкой» за её хозяйственность³², а десятилетнего Митрашу «мужичком в мешочке» за его плотно сбитое телосложение, а также упрямый и сильный характер³³. В произведении большое значение отводится системе образов. В связи с этим, как замечают Н. В. Борисова и Б. Г. Меркин³⁴, «Кладовая солнца» обладает «огромной семантической ёмкостью» и «богатейшим ассоциативным рядом»³⁵.

28 Борисова Н.В. Михаил Пришвин: сотворение мифа. Елец, 2017. С. 127.

29 Пришвина В.Д. Война. С. 189–190.

30 Там же. С. 191.

31 Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. С. 661.

32 См.: Пришвин М.М. Кладовая солнца // Собрание сочинений. Т. 5. Москва, 1983. С. 217.

33 Там же. С. 216.

34 См.: Меркин Б.Г. Авторское определение жанра как ключ к пониманию идеи произведения. М. М. Пришвин «Кладовая солнца» // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3 (35). С. 43.

35 См.: Борисова Н.В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина. Елец, 2002. С. 29.

Автор уделяет сугубое внимание описанию природы, которое несёт в себе глубокий семантический смысл и раскрывает внутренний мир героев. Так, повесть начинается следующими словами:

«В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей»³⁶.

Символика болота и образы детей невольно отсылают к евангельскому блудному сыну, по притче сбившемуся с истинного пути под влиянием страсти и ушедшему на «*страну далече*» (см. Лк. 15, 11–32). В контексте данного сопоставления Е. Р. Боровская и С. А. Пошина замечают:

«Блудово болото готовит детям множество искушений <...>. Митраша оказывается на краю гибели <...> от гордыни, а Настя <...> от алчности»³⁷.

В этом смысле потерявшие родителей брат и сестра так же, пусть и невольно, становятся «блудными» детьми, блуждающими без ориентиров по болоту жизни. Данную мысль об аналогичном прохождении детьми пути блудного сына с последующим возвращением также подчёркивает Е. А. Фёдорова³⁸. По утверждению Е. Р. Боровской, эта притча является основой, внутренней формой всего произведения, прививающей христианские ценности, в рамках которой следует прочитывать данный рассказ³⁹.

Цель детей состояла в нахождении некой «палестинки»⁴⁰ — удивительного места, где растёт самая крупная и сладкая клюква. Само название топонима приводит на ум Святую Землю — Палестину, место земной проповеди Христа. В контексте повести «палестинка» становится своеобразной «землёй обетованной», «раем», куда ещё не ступала нога человека. В качестве антитезы автор вводит ещё один топоним — «Слепую елань» — страшное топкое место, где погибло много людей желающих попасть на «палестинку»⁴¹. Так, образ слепой елани, связанный с опасностью, множеством смертей и являющийся фактическим препятствием на пути к «палестинке-раю», может быть прочитан как ад

36 Пришвин М.М. Кладовая солнца. С. 216.

37 См.: Боровская Е.Р., Пошина С.А. Христианские ценности в «Кладовой солнца» М.М.Пришвина // Вестник ПСТГУ. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 4 (19). С. 24.

38 См.: Фёдорова Е.А. Проблема нравственного выбора в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» // Литература в школе. 2017. № 3. С. 5.

39 См.: Боровская Е.Р. Притча о блудном сыне во внутренней форме «Кладовой солнца» М.М.Пришвина // М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания: сборник научных трудов. Елец, 2023. С. 54.

40 См.: Пришвин М.М. Кладовая солнца. С. 220.

41 Там же.

или геенна. Поскольку в рамках данных топографических локаций разворачиваются основные действия повести, есть все основания полагать, что конфликт между детьми является не просто ссорой, но более острой проблемой, имеющей под собой духовные причины и непосредственно влияющей на действительную жизнь или смерть героев.

На эту мысль также наводит предваряющее конфликт детей описание деревьев — сосны и ели. Повествователь замечает:

«Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга <...> они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. <...> Деревья стонали и выли на всё Блудово болото, как живые существа»⁴²; «...вдруг ветер рванул, ёлка нажала на сосну, и сосна простонала. Ветер рванул ещё раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала»⁴³.

Подобное потенциальное соперничество с обострением конфликта также прослеживается в повести между братом и сестрой. Автор отмечает, что внешняя сторона жизни детей была безупречна: все видели, как они долго и дружно жили друг с другом и всегда были вместе. Однако, как между сосной и елью, растущими бок о бок, так и между детьми был острый конфликт, выражающийся в соперничестве и самолюбии. Каждому из них хотелось быть первым: брату хотелось поучать старшую сестру, он злился своим подчинённым положением и часто обращался к сестре со словами претензий, «задрав нос»⁴⁴, а сестра считала для себя унижительным и обидным подчиняться младшему брату, игнорируя его советы⁴⁵.

М. М. Пришвин также через природу показывает развитие конфликта между детьми с началом их «блуждания» в лесу:

«...серая хмарь плотно надвинулась и закрыла всё солнце со всеми его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетённые корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на всё Блудово болото зарычали, завывали, застонали»⁴⁶.

Так внутренний потенциальный конфликт детей перерос в открытую явную вражду, кульминацией чего стал разлад между собой, выбор разных путей и обида друг на друга⁴⁷.

42 См.: Пришвин М.М. Кладовая солнца. С. 224.

43 Там же. С. 226.

44 Там же. С. 218.

45 Там же. С. 227.

46 Там же. С. 228.

47 Там же. С. 227.

Развитие в детях ослепляющей ум страсти, приводящей их к большому заблуждению и едва не стоившей им жизни, повествователь также показывает через описание природы, аллегорично отражая их внутреннее состояние. Прямая тропа, по которой упорно решил пойти Митраша, скоро привела его к самой слепой елани, месту гибели, однако, будучи ослеплённым детской страстью непокорности, мальчик не замечал очевидных признаков надвигающейся смертельной опасности. Автор передаёт атмосферу следующим образом:

«...становится страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? <...> Земля под ногой стала как гамак, подвешенный над тинистой бездной»⁴⁸; «...нога его стала утопать всё глубже и глубже <...>. И почувствовал, что он плотно схвачен со всех сторон по самую грудь <...> при малейшем движении его тянуло вниз...»⁴⁹.

Указание на пропасть и бездну семантически наводит на мысль о страхе и непосредственной близости «ада»; отсутствие здоровой рефлексии относительно своего положения свидетельствует об изменении сознания, некоей духовной слепоте, а дальнейшее введение образов вековых карликовых ёлок, похожих на ведьм, лишь усиливает данную мортальную атмосферу:

«...колдунья тянет к тропе костлявую руку. И ждёшь <...> как в сказке, полянка покажется, и на ней избушка колдуньи с мёртвыми головами...»⁵⁰.

Смертельную опасность также подчёркивают образы воронов и сорок, кружащих над героем, подобно демонам, ожидающим его конца⁵¹. В совокупности всё это можно трактовать как пример действия в человеке «смертного греха» и эволюции в нём страсти, приводящей к гибели. Об этом также пишут Е. Р. Боровская и С. А. Пошина:

«То же касается и Митраши. Гордыня как самый страшный из грехов <...> приводит мальчика в буквальном смысле в бездну...»⁵².

Лишь в последний момент полного бессилия к герою приходит чувство раскаяния и осознания собственной неправоты, признаком

48 Пришвин М.М. Кладовая солнца. С. 235–236.

49 Там же. С. 238–239.

50 Там же. С. 236.

51 Там же. С. 237.

52 Боровская Е.Р., Пошина С.А. Христианские ценности в «Кладовой солнца» М.М. Пришвина. С. 34; см. также: Боровская Е.Р. Притча о блудном сыне во внутренней форме «Кладовой солнца» М.М. Пришвина. С. 56.

чего служат обильные слёзы и воспоминание о сестре⁵³. Признав свою ошибку и испытав горячее желание исправиться, Митраша был спасён собакой, явившейся подобно некоему ангелу-хранителю. Так, автор доступно изложил христианскую истину, что без личного раскаяния и желания изменения спасение невозможно.

Подобное «падение» с последующим раскаянием переживает и Настя. М. М. Пришвин показывает, что путь нравственной деградации был сопряжён с ослепляющей жадностью⁵⁴. Данная инволюция девочки показывается через описание природы:

«Лось, обирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползущую девочку, как на всякую ползущую тварь <...> вся мокрая и грязная, прежняя Золотая Курочка на высоких ногах. Лось её и за человека не считает: у неё все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно...»⁵⁵.

Движение на четвереньках, звериные повадки, грязь и сравнение с бездушной тварью явно указывают на высокую степень отпадения, чем вызвано полнейшее забвение памяти о брате и о себе самой. Подобно Митраше, Настя тоже чуть не погибла от своей страсти, едва не схватив вместе с клюквой гадюку. Лишь после того, как змея зашипела на девочку, она очнулась, ещё не до конца осознавая бедственность своего положения:

«...изумлённо смотрела на змею <...>. Насте представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из шкуры змеиной и стоит, не понимая, где она»⁵⁶.

Введённый в повесть образ змеи в «палестинке-рае» не случаен и несёт в себе глубокий семантический смысл, подобно искушению Евы, на что также обращает внимание Н. В. Борисова⁵⁷. Он как бы ставит героиню перед выбором: оставаться дальше в своём животном состоянии и поддаться страсти или же обратиться и вновь стать человеком. В принятии решения девочке помогло появление собаки. Благодаря ей Настя вспомнила о брате и, осознав тяжесть своего поступка, зарыдала, окончательно сбросив с себя «змеиную чешую» своей страсти⁵⁸. Т. Г. Фирсова и Е. А. Комарова отмечают в данном поступке девочки

53 См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 239.

54 Там же. С. 241.

55 Там же. С. 242–243.

56 Там же. С. 243.

57 См.: Борисова Н. В. Михаил Пришвин: сотворение мифа. С. 130.

58 См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 244.

своеобразное «воскресение» и «возвращение к жизни», что, по их мнению, также символически прочитывается в самом её имени⁵⁹.

В обоих случаях в критические моменты жизни к детям являлась собака и буквально поднимала их из грязи, вытаскивая из смертельных сетей страсти. Следует заметить, что данная помощь появлялась лишь с началом раскаяния героев, в чём прослеживается вполне христианское учение о покаянии и спасении, повествующее, что Бог не может спасти человека против его воли. В этом смысле явления собаки — друга человека — сравнимо с действием ангела-хранителя.

В качестве антитезы собаке-хранителю выступает образ волка-губителя, семантически связанный с образом дьявола. На данное прочтение образа в повести наводит сам М. М. Пришвин. Так, он наделяет волка свойственными дьяволу качествами: лукавством и хитростью, неистовой злостью и враждой против всего человеческого рода⁶⁰.

Так ключевой проблемой произведения становится не собственно конфликт между детьми, едва не приведший их к гибели, но нравственная борьба с самим собой и своими страстями, соответствующая общей воспитательной цели повести. Таким образом, произведение можно считать своеобразной адаптацией евангельской притчи о блудном сыне, где также находим мотивы подверженности страсти, пути, смертельной опасности, раскаяния и возвращения с примирением к родным. По заключению Б. Г. Меркина⁶¹ и Е. А. Фёдоровой, благодаря обилию аллегорий, образности произведения и притчевому характеру, повесть «Кладовая солнца» действительно «восходит к традиции древнерусской словесности с её духовно-нравственными ценностями»⁶².

Подводя итоги по теме воспитания детей, можно отметить следующее. В основе воспитательной системы М. М. Пришвина лежат евангельские принципы. Писатель включает в состав своих произведений евангельские аллюзии, а также интерполирует в них евангельские сюжеты. Наиболее показательными являются: миниатюра «Папа-доктор», лейтмотив которой разворачивается вокруг евангельского стиха: «*будьте*

59 См.: *Фирсова Т. Г., Комарова Е. А.* Духовно-нравственные мотивы в произведении «Кладовая солнца» М. М. Пришвина // Проблемы филологического образования: сборник научных трудов. Саратов, 2018. С. 87.

60 См.: *Пришвин М. М.* Кладовая солнца. С. 232.

61 См.: *Меркин Б. Г.* Авторское определение жанра как ключ к пониманию идеи произведения. М. М. Пришвин «Кладовая солнца» // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3 (35). С. 51.

62 См.: *Федорова Е. А.* Проблема нравственного выбора в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» // Литература в школе. 2017. № 3. С. 5.

как дети» (Мф. 18, 3); миниатюра «Мыши», построенная по мотиву Книги Бытия (Быт. 3, 2–10)⁶³ и содержащая аллюзию на Ин. 3, 20–21⁶⁴; произведение «Козочка», содержащее мотив возвращения в рай. Однако наиболее показательной является повесть «Кладовая солнца», поднимающая тему борьбы со своими страстями и являющаяся своеобразной детской адаптацией евангельской притчи о блудном сыне (Лк. 15, 11–32).

Выводы

Резюмируя результаты проведённого исследования, можно сформулировать следующие выводы. Творчество М. М. Пришвина 1940-х гг. представляет собой уникальный опыт художественно-философского осмысления трагедии войны и блокады через призму христианского гуманизма. Во-первых, анализ «Ленинградских рассказов» показал, что категория милосердия в прозе писателя трансформируется из абстрактного понятия в деятельный нравственный идеал. В экстремальных условиях осаждённого города именно созидательное сострадание становится ключевым инструментом сохранения человеческой идентичности и духовной резистентности личности. Во-вторых, выявлено, что в сказке-были «Кладовая солнца» и сопутствующих ей дневниковых записях отчётливо прослеживается рецепция евангельских архетипов. Финал произведения «Кладовая солнца» знаменует не просто физическое спасение детей, но и возможность обретения утраченной целостности через возвращение к нравственным истокам. В-третьих, авторское жанровое определение произведения как «сказки-были» служит ключом к пониманию его мифопоэтической структуры. Мифологема природы у М. М. Пришвина выступает не декоративным фоном, а активным участником этического выбора героев, транслируя идею нерасторжимого единства всего живого. Можно утверждать, что синтез предельной дневниковой искренности и глубокой притчевой иносказательности позволил М. М. Пришвину выстроить монолитную и оригинальную концепцию нравственного выбора. В её основе лежит утверждение жизни как высшей ценности и признание милосердия фундаментом человеческого бытия, позволяющим человеку оставаться человеком даже в нечеловеческих условиях военного времени.

63 В произведении пересматривается аналогичная ситуация из Книги Бытия с преступлением заповеди Бога о невкушении плодов, однако в отличие от библейского повествования, ребёнок показывает пример сиюминутного раскаяния и исправления.

64 Ин. 3, 20–21: «...ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге...»

Источники

- Пришвин М. М.* Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; ст., коммент. Я. З. Гришиной. Москва: РОССПЭН, 2012.
- Пришвин М. М.* Дети // *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: [в 8 т.] / под ред. В. Курбатова. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1983. С. 128–130.
- Пришвин М. М.* Папа-доктор // *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: [в 8 т.] / под ред. В. Курбатова. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1983. С. 131–132.
- Пришвин М. М.* Мыши // *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: [в 8 т.] / под ред. В. Курбатова. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1983. С. 133–137.
- Пришвин М. М.* Козочка // *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: [в 8 т.] / под ред. В. Курбатова. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1983. С. 137–139.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1944–1945 / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; ст., коммент. Я. З. Гришиной. Москва: РОССПЭН, 2013.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1948–1949 / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной. Москва: РОССПЭН, 2014.
- Пришвин М. М.* Собрание сочинений: [в 8 т.] / под ред. В. Курбатова. Т. 5: Рассказы; Повести; Кладовая солнца; Корабельная чаща. Москва: Художественная литература, 1983.

Литература

- Борисова Н. В.* Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук: 10.01.01 / Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец, 2002.
- Борисова Н. В.* Михаил Пришвин: сотворение мифа: монография. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2017.
- Боровская Е. Р., Пошина С. А.* Христианские ценности в «Кладовой солнца» М. М. Пришвина // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 4 (19). С. 20–30.
- Боровская Е. Р.* Притча о блудном сыне во внутренней форме «Кладовой солнца» М. М. Пришвина // М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской научной конференции. 3–4 февраля 2023 года. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2023. С. 53–58.
- Волынецв Е. Н.* Молодой земский агроном // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / составители Л. А. Рязанова, Я. З. Гришина. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 32–34.
- Кульчицкая Н. Н.* Резерв будущего в растущем человеке («Рассказы о ленинградских детях» М. М. Пришвина) // Образ будущего: сборник тезисов Второй международной научно-практической конференции. Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2022. С. 236–240.
- Лидин В. Г.* М. Пришвин // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / составители Л. А. Рязанова, Я. З. Гришина. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 125–129.

- Меркин Б. Г.* Авторское определение жанра как ключ к пониманию идеи произведения. М. М. Пришвин «Кладовая солнца» // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3 (35). С. 43–51.
- Попова И. В.* Нравственный идеал милосердия в «Ленинградских рассказах» М. М. Пришвина // Наука и образование. 2020. Т. 3. № 2. [Текст: электронный]. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1941/1939> (дата обращения: 12.2.2024).
- Пришвина В. Д.* Война // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост. Л. А. Рязанова, Я. З. Гришина. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 182–235.
- Реформаторская Н. В.* О Пришвине // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост. Л. А. Рязанова, Я. З. Гришина. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 153–168.
- Серова О. В.* Всегда со мною // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост. Л. А. Рязанова, Я. З. Гришина. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 255–259.
- Фёдорова Е. А.* Проблема нравственного выбора в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» // Литература в школе. 2017. № 3. С. 2–5.
- Фирсова Т. Г., Комарова Е. А.* Духовно-нравственные мотивы в произведении «Кладовая солнца» М. М. Пришвина // Проблемы филологического образования: сборник научных трудов. Вып. 10. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 83–92.